

УДК: 7.033.12; 7.033.2...7

ББК: 85.113

А43

DOI: 10.18688/aa177-2-30

С. В. Мальцева

Храмовое зодчество Моравской Сербии и основные направления архитектуры палеологовского периода

Последний яркий период развития сербского средневекового зодчества начинается с вокняжением Лазаря Хребеляновича (1371–1389) [20; 21; 24; 9]. Если правители македонских областей в эпоху распада империи Душана во второй половине XIV в. сохраняли византийскую ориентацию, то в старых сербских областях Рашки, Косова, а затем и на новых моравских землях возобладало стремление к возрождению древней модели сербского национального государства. После гибели наследника Душана Уроша V и разгрома сербского войска в битве при Марице в 1371 г. династия Неманичей пресекается. Князь Лазарь побеждает прочих вельмож, претендовавших на лидерство, снова объединяет земли и переносит политический центр на моравские земли — в Крушевац. Несмотря на то, что с 1217 г. сербские правители носили титул короля, а в 1346 г. Душан провозгласил себя императором, Лазарь отказывается от претензий на империю и принимает титул великого князя, тем самым намеренно подчеркивая возврат к идеологии первых Неманичей [1; 3; 10; 39]. Сербский патриархат перестает претендовать на вселенский масштаб и возрождает традиции Святосавской церкви. Это позволяет преодолеть многолетний церковный раскол и примириться с Византией, возродить монастырскую жизнь, восстановить прерванные связи с Афоном [2; 30]. Примирение Сербской патриархии с Константинопольской, увенчалось успехом в 1375 г. [2].

Желание князя Лазаря и удельных феодалов вернуться к духовным, идеологическим и культурным традициям эпохи расцвета Сербии могло вызвать к жизни появление нового типа храма. В этот период на моравских землях снова строятся большие монастырские или приходские храмы, в основном — по заказу великого князя или виднейших вельмож. Это крестово-купольные храмы, обычно однонефные (как было в рашский период), хотя продолжают существовать и храмы с четырьмя отдельно стоящими опорами (их совсем немного: Дренча (Илл. 58), Раваница (Илл. 59), Новая Павлица, Любостыня (Илл. 60) и Ресава (Илл. 61)). По-прежнему характерны башнеобразные композиции, в однонефных храмах часто используются ступенчато повышающиеся своды. Усиливается значение плоскорельефного каменного декора, который теперь представляет собой развитые декоративные программы и сочетается с полихромией. Закрепляется главный отличительный признак архитектуры моравского периода — план в виде триконха.

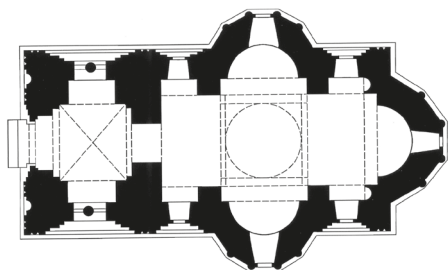

Рис. 1. План церкви Св. Стефана в Крушевце (Лазарица), последняя четверть XIV века [38]

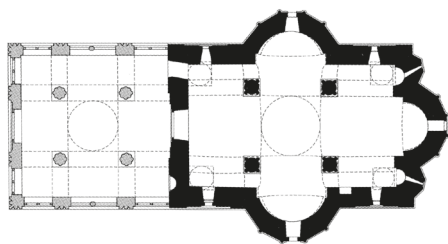

Рис. 2. План церкви Вознесения в Раванице, последняя четверть XIV века [38]

Собственно, на этом этапе, с 1370-х годов появляются все те памятники, которые были выделены как образцы «моравской школы» Г. Милле и другими исследователями: Лазарица (Илл. 62, Рис. 1), Раваница (Рис. 2), Новая Павлица, Велуча, Любостыня и др. [41, р. 153–178].

Среди построек обоих типов можно выделить княжеские постройки и тяготеющие к ним, а также разнообразные провинциальные варианты.

Итак, выделяя важнейшие особенности архитектуры моравского периода, обратимся к некоторым спорным вопросам ее изучения.

Представляют ли моравские храмы некий региональный или провинциальный вариант византийской архитектуры или национальную традицию? Каково соотношение моравской архитектуры с предшествующей сербской, а также с византийской традицией позднепалеологовского и предшествующих периодов?

В представлении Г. Милле, после рыхлой и разнородной «сербско-византийской школы» и лакуны в период распада Душановой империи, архитектура «моравской школы» начинается как бы с чистого листа на новых территориях и выглядит как явление гораздо более цельное. Есть определенные географические и хронологические рамки, привязанные к политическим реалиям, начиная с воцарения князя Лазаря и до османского завоевания. Милле уверенно определяет яркие особенности «моравской школы», которые, по его мнению, являются объединяющим началом, и иллюстрирует их небольшим рядом памятников, которые он располагает в неверной хронологической последовательности. Несмотря на недостаточное количество памятников и ошибочную датировку некоторых из них, Г. Милле, по нашему мнению, был прав в том, что связал однефные постройки этого периода с предшествующей сербской традицией, а четырехстолпные — с византийской.

В отличие от рашского или сербско-византийского периодов, в это время действительно можно предполагать работу одной или нескольких артелей, связанных с княжеским двором. Попытку продвинуться в этом вопросе и изучить конкретные строительные приемы в ряде построек предпринял С. Ненадович [23]. Однако ему не удалось внести определенность в проблему существования артелей, соответствующих понятию «архитектурная школа» в моравский период. На данный момент не представляется возможным проследить в деталях деятельность этих мастерских, поэтому мы ограничиваемся лишь некоторыми предположениями, которые требуют тщательной проверки и дальнейших исследований.

Можно предположить, что несколько построек эпохи князя Лазаря были возведены его придворной мастерской. Близость техники и стилистических особенностей таких памятников, как Лазарица, Раваница, Велуча, возможно Любостыня (как один из самых поздних), дает возможность рассматривать их как некую единую группу. Но в то же самое время и в связи с тем же заказчиком — князем Лазарем — мы находим такие постройки, как Наупара (Илл. 63), Горняк и Витовница (Илл. 64; Рис. 3), в которых при достаточном типологическом сходстве плана используется совсем иная техника кладки, с доминированием камня. Они различаются и по композиционным решениям. Кроме того, в Витовнице и Горняке почти полностью отсутствует декор. Такая разница может быть объяснена либо тем, что здесь работала другая артель, либо та же группа мастеров могла быть направлена князем Лазарем, но построила эти храмы в несколько упрощенном варианте, учитывая пожелания и возможности ктиторов.

Придворная артель могла продолжать свою работу и при Стефане Лазаревиче, и со сменой поколений преемственность могла сохраняться. В пользу этого свидетельствуют типологическое сходство планов, во многом близкий масштаб построек, пропорции, принципы развития объемно-пространственной композиции, конструктивные особенности (в том числе такая специфическая черта как повышенные подпружные арки, опирающиеся на изящные консоли в однонефных храмах). Декор буквально нигде не повторяется, что можно объяснить стремлением разнообразить приемы.

Однако это может относиться только к десятку княжеских и самых известных аристократических задужбин. Если же расширить этот круг (напомним, что по В. Ристичу построек моравского периода 88) [27, с. 209–234], то, даже не считая спорные с точки зрения атрибуции и датировки церкви, останется слишком много построек, чтобы приписывать их все одной артели.

Различия между церквями первой половины XV в. уже достаточно существенны. Если в последней четверти XIV в. — начале XV в. строятся только триконхи, то этого нельзя сказать об эпохе Стефана Лазаревича. Возводится довольно много однонефных храмов, напоминающих постройки рашского типа: Йошаница (Илл. 65; Рис. 4), Копорин,

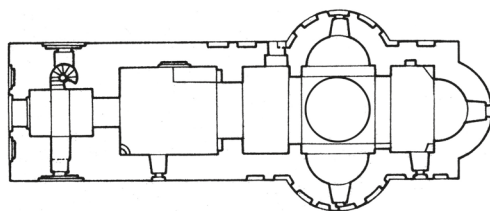

Рис. 3. План церкви Успения Богородицы монастыря Витовница, последняя четверть XIV века [27]

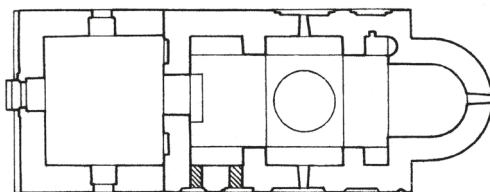

Рис. 4. План церкви Св. Николая монастыря Йошаница, конец XIV века [27]

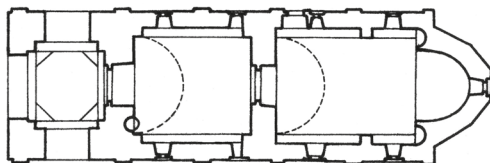

Рис. 5. План церкви Св. Георгия монастыря Врачевшница, первая четверть XV века [27]

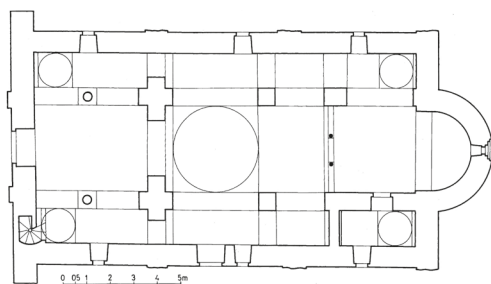

Рис. 6. План церкви Св. Георгия в Старом Нагоричине, первая четверть XIV века

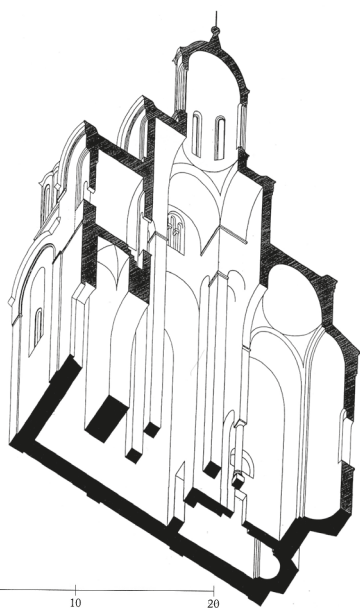

Рис. 7. План и аксонометрический разрез церкви Успения Богородицы монастыря Грачаница, первая четверть XIV века [31]

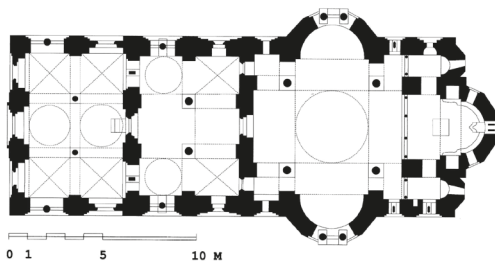

Рис. 8. План кафедрального собора монастыря Хиландар, XIV век, Афон [38]

Рамача, Тресье, Шаторнья, Славковица [27, с.216–234]. Среди однефных появляются даже церкви без куполов: Врачевшница (Илл. 66; Рис. 5), Благовещение Рудничко, Богородица Пречиста, Брезовац, церковь в городище Борач, Йовча, Мрнина, Палез, Томич, Св. Петка Забrega [27, с.210–232]. По стилю и технике они все тоже сильно различаются. В основном это очень маленькие и простые постройки, в которых нет никаких признаков работы княжеской артели. То есть их можно объединять географически и хронологически, отнести к моравскому периоду, но не школе.

Таким образом, можно предположить, что лучшие храмы моравского периода были построены княжеской артелью, но помимо нее были и другие мастера, что объясняет стилистическое разнообразие.

Постройки эпохи князя Лазаря и десятилетия после его смерти достаточно четко выделяются в цельную группу. Совершенно очевидно, что все основные художественные особенности моравской архитектуры наиболее ярко раскрываются именно в них. При этом типология триконха становится не менее значимым аспектом в определении понятия «моравская архитектура», нежели стилистические параметры. Поэтому эту группу, вероятно, следует считать важнейшим этапом развития архитектуры Моравского периода. На этом этапе мы видим наличие довольно четкой программы, обуславливающей большую степень типологического и стилистического единства построек эпохи князя Лазаря. В дальнейшем, в эпоху деспота Стефана и его преемников, эта программа постепенно размывается и растворяется во множестве мелких локальных проявлений.

Вопрос об истоках моравской архитектуры — один из самых трудных и интересных. Невозможно представить себе, что Лазарица или Раваница могли появиться словно ниоткуда. С другой стороны, такое сложное и многогранное явление, как моравская архитектура, вряд ли можно свести к какому-либо одному источнику, который полностью объяснил бы ее происхождение [17].

Так, Б. Вулович считал создателем моравской школы самого князя Лазаря, а его первой и важнейшей постройкой — храм Вознесения в Раванице, ставший отправной точкой для всего дальнейшего процесса [5]. Исследователь полагал, что в строительстве Раваницы князь Лазарь ориентировался на четырехстолпные постройки эпохи Милутина, такие как Богородица Левишка в Призрене, Старо-Нагоричино (Илл. 67, Рис. 6), Грачаница (Илл. 68, Рис. 7) и особенно кафоликон Хиландара [6]. Последний имел еще и боковые конхи (Рис. 8), что, по мнению Б. Вуловича, и было перенесено князем Лазарем с Афона на моравские земли.

С нашей точки зрения, идея о том, что истоки моравских храмов лежат в памятниках эпохи краля Милутина (которые, в свою очередь, ориентированы на византийские церкви Салоник), не может быть принята безоговорочно. Б. Вулович сравнивал, прежде всего, планы построек. Но планы церквей Богородицы Левишки и Старо-Нагоричино восходят к византийским базиликам XI в., перестроенным при Милутине. Грачаница — это особенный памятник, который скорее демонстрирует яркое своеобразие сербской архитектуры и творческую переработку византийской традиции. При этом наиболее узнаваемых, ярких архитектурных особенностей Грачаницы, таких как башнеобразная композиция и повышенные подпружные арки, в Раванице нет. И в Грачанице, и в Раванице, в отличие от салоницких пятикупольных храмов рубежа XIII–XIV вв., дополнительные главы стоят над углами наоса, а не обходных галерей, которых здесь нет. При этом в двух сербских храмах пятиглавие трактовано по-разному. В отличие от динамичной композиции Грачаницы, в Раванице пятиглавие гармоничное, композиционно выверенное, интересно обыгранное, поскольку воспринимается по-разному с разных точек зрения. Протяженные боковые фасады подчеркивают уравновешенность и горизонтальное развитие композиции, дополненное горизонтальными тягами на фасадах. Восточный и западный фасады, напротив, выявляют вертикальную, пирамидальную композицию повышающихся объемов боковых и центральной главы. Кроме пятиглавия, другим общим моментом для храмов эпохи князя Лазаря и краля Милутина Вулович называл усиление декоративного начала. С нашей точки зрения, как и в случае с пятиглавием, это сходство имеет слишком общий, условный характер и не доказывает, что только образцы эпохи Милутина вдохновили князя Лазаря на создание нового типа храма.

Концепция происхождения моравской архитектуры, созданная В. Корачем, несколько отличается [11; 12; 13; 15]. С его точки зрения, это, безусловно, масштабное явление, которое возникает в эпоху князя Лазаря, когда для развития архитектуры снова появились благоприятные условия — объединение земель под сильной центральной властью, относительное экономическое благополучие, примирение с Византией и Константинопольским патриархатом. Как и Б. Вулович, В. Корач роль самого князя Лазаря тоже был склонен считать определяющей. В качестве наиболее репрезентативных памятников моравской архитектуры он называет именно княжеские задужбины, а в каче-

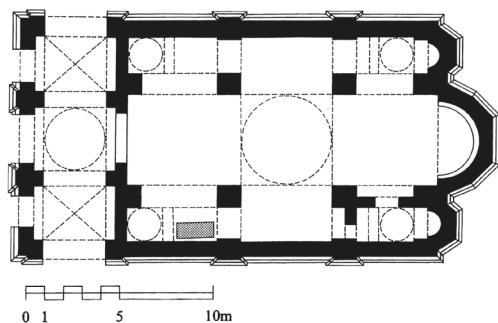

Рис. 9. План церкви Архангела Михаила монастыря Свв. Архангелов под Призреном, середина XIV века [38]

была очень существенной, мы все же не видим достаточных оснований для выведения моравской школы из такого образца, как церковь Архангелов. Роль значимых образцов в истории сербского средневекового зодчества действительно была велика, достаточно вспомнить такие образцы, как Студеница и Жича, которые подвергались копированию. При этом воспроизводились именно наиболее узнаваемые черты архитектурного образа, а не какие-то отдельные детали (Градец, Придворица). Однако те черты сходства, на которые указывает Корач, не кажутся нам достаточным обоснованием этой идеи: это план церкви Архангелов — слегка вытянутой четырехстолпной постройки, а также горизонтальные карнизы, предположительно, украшавшие ее фасады и затем появляющиеся в Раванице [12, с. 141–142]. Напомним, что церковь Свв. Архангелов была разрушена еще в Средние века, и по найденным в раскопках обломкам карнизов и других декоративных элементов полностью реконструировать ее декор невозможно. При этом Душанова задужбина построена из камня, а Раваница возведена в смешанной технике, и во всем остальном элементы декора в этих двух храмах различаются: в первом храме использована мраморная облицовка, резьба по камню и мозаики, во втором — разнообразные кирпичные орнаменты и полихромная роспись фасадов. Мысль В. Корача о заимствовании для моравских построек плана именно церкви Свв. Архангелов тоже не кажется нам надежно обоснованной. Мы имели возможность убедиться, что слегка вытянутые четырехстолпные постройки с тремя гранеными апсидами в XIV в. были достаточно широко распространены в косовско-македонском регионе, и задужбина Душана являет собой один из примеров подобного планового решения.

С другой стороны, Раваница и другие моравские постройки имеют очень важную особенность в плане, которая отсутствует в церкви Архангелов: это боковые конхи. Между тем именно эту особенность В. Корач предлагает как бы вынести за скобки при рассмотрении генезиса и специфики архитектуры моравского периода. Мы согласны с В. Корачем в том, что архитектура моравского периода представляет собой яркое и масштабное явление и что в ней очень сильна византинизирующая составляющая, во всяком случае в эпоху князя Лазаря. Однако, на наш взгляд, значение регионального своеобразия этого явления также очень велико, как и роль архитектуры всего предшествующего периода в формировании специфических черт моравского зодчества.

стве их возможного образца — церковь Архангелов под Призреном (Рис. 9) [12; 13]. Учитывая происхождение князя Лазаря из среды придворной аристократии Душана, Корач полагает, что именно его задужбину воспроизводят храмы следующего поколения, построенные уже на других территориях.

Соглашаясь с мнением В. Корача о том, что именно в эпоху князя Лазаря возникли благоприятные условия для нового расцвета архитектуры и что роль самого князя в храмовом строительстве

Другой крупный византинист и ученик В. Корача И. Стевович также поддерживает мнение, что такое масштабное явление, как моравская школа, следует изучать на примере выдающихся памятников [28, с. 37–42, 55]. Менее значительные и менее выразительные с художественной точки зрения памятники, которые были выявлены и добавлены к ряду моравских после археологических и реставрационных работ середины — второй половины XX в. и часто представляют собой плохо сохранившиеся и недатированные здания, Стевович рассматривает как второстепенные, подражающие главной линии княжеского заказа и не определяющие моравскую архитектуру как явление. Типологические и стилистические особенности моравских храмов Стевович предложил напрямую рассматривать в контексте византийской архитектуры в качестве одного из вариантов, наряду с Эпиром, Салониками, Афоном, Пелопоннесом, Несебром и другими центрами [28, с. 237–239]. Вопросы своеобразия моравских построек оказываются вне поля основного рассмотрения [29, с. 37–42, 55].

Для того, чтобы показать, в чем именно состоит региональное своеобразие сербской архитектуры моравского периода, нам необходимо остановиться на проблеме, которую обозначает, но не разбирает подробно И. Стевович. В чем именно проявлялось региональное своеобразие различных вариантов поздневизантийской традиции? Каковы хотя бы самые общие типологические и стилистические особенности построек Эпира, Салоник, Афона, Мистры, Несебра? И как соотносится с этим моравская архитектура? Можно ли объяснить важнейшие особенности этих построек всецело влиянием византийской традиции?

Обратимся к обзору специфики развития архитектурных процессов в основных центрах византийского зодчества второй половины XIV — первой половины XV в.

В Эпире, сохранившем независимость после захвата Константинополя крестоносцами, на протяжении XIII в. сформировался целый ряд устойчивых особенностей в архитектуре [38, р. 562–570; 49, с. 175–182; 47, р. 138–140; 50]. Здесь преобладают трехнефные базилики, часто — с повышенным трансептом. Нефы обычно перекрыты сводами (центральный неф — цилиндрическим, боковые — купольными), их поддерживают колонны или круглые в сечении опоры. Характерно специфическое решение апсид: три трехгранные апсиды имеют почти одинаковый вынос, при этом средняя грань очень широкая. В дальнейшем, при появлении храмов других типов, особая конфигурация алтаря остается (например, церковь Паригоритиссы в Арте). В декоре эфирских церквей часто используются маленькие неглубокие ниши, каменная резьба в сочетании с разнообразными кирпичными орнаментами и особенно много керамических вставок. При всей своей укорененности в византийской традиции, это несомненно особый региональный вариант, не похожий на другие. Однако с переходом Эпирского деспотата под власть Византии в 1337 г. развитие этой региональной традиции практически прекращается.

Важнейшие памятники поздневизантийской архитектуры в Константинополе, отвоёванном у латинян в 1261 г., относятся к периоду правления Андроника II Палеолога (1282–1328). В это время новые пристройки появляются в монастырях Липса, Паммакарistos, Хора, в церкви Килисе-джами [42; 43; 37, р. 66–67; 38, р. 528–544; 47, р. 150–155]. В этих постройках наиболее ярко проявляются характерные черты столичной архи-

тектуры раннепалеологовского периода: смешанная кладка с использованием камня и кирпича; богатые и разнообразные кирпичные орнаменты; мотив накладной аркады, украшающей фасады; неглубокие ниши на апсидах и по сторонам от входа и др. Характеризуя столичную палеологовскую архитектуру в целом, Р. Остерхут отмечает многообразие в планах и объемно-пространственных композициях построек, а также разделяет стиль и технику [43, р. 76]. После 1330-х годов строительная активность в столице, как кажется, затухает. Преемственность от раннепалеологовской константинопольской архитектуры прослеживается на уровне строительной техники и конкретных декоративных мотивов лишь в нескольких более поздних постройках. Это экзонартекс папеклесиона монастыря Паммакарistos, вероятно, достроенный во второй четверти XIV в., а также ряд раннеосманских построек Вифинии, уже завоеванной в это время турками [43, р. 77, 84–90]. Во всех остальных случаях можно говорить только о более или менее сильном влиянии столичного раннепалеологовского стиля. Безусловно, оно присутствует в более поздних постройках Константинополя, которых сохранилось всего две: Текфур-сарай (возможно, после середины XIV в.?), и церковь бенедиктинского монастыря в Пере (1427 г.). При этом в обеих постройках есть существенные технические и стилистические отличия, свидетельствующие об участии в их возведении западных мастеров. Насколько можно судить по сохранившимся памятникам и косвенным признакам, архитектура Константинополя в последнее столетие существования Византийской империи, как кажется, постепенно приходила в упадок [43, р. 76, 90–91]. Однако, учитывая недостаточную археологическую изученность Константинополя и его окрестностей, делать окончательные выводы было бы преждевременно.

Специфика афонских церквей проявляется, прежде всего, на уровне планировочных решений. Здесь еще с X–XI в. утвердился так называемый «афонский тип» крестово-купольного триконха на четырех опорах. Наос фланкируют боковые конхи, которые визуально расширяют центральное пространство, при этом широко расставленные скругленные опоры делают боковые нефы очень узкими. Есть и целый ряд изменений в объемно-пространственной композиции храмов, обусловленный чисто функциональными причинами, например, развитая алтарная часть с дополнительной ячейкой с востока и специфические решения западной части с большими экзонартексами, фланкированными купольными приделами. «Афонский тип» продолжали воспроизводить и позднее [48, с. 122–128]. В начале XIV в., ориентируясь на древние образцы, король Милутин строит новый кафоликон Хиландара, о котором уже говорилось выше. В 1363 г. был возведен кафоликон монастыря Пантократора, значительно меньший по размерам и отличающийся некоторыми композиционными особенностями¹. Остальные сохранившиеся храмы «афонского типа» относятся уже к поствизантийскому периоду, хотя, возможно, некоторые из них воспроизводят формы более древних предшествующих построек [48, с. 122–128, 135–210]. Таким образом, основные особенности «афонского типа» храма сложились задолго до XIV в., и во второй половине столетия активного развития архитектуры на Афоне не наблюдается.

¹ Размер вимы увеличен гораздо больше, чем в остальных храмах афонского типа, в результате чего подкупольная часть и открывающиеся в нее боковые экседры сильно смещены к западу [48, Т. А', с. 126, Т. В', с. 72–79, сч. 16–17, епк. 15–16].

Расцвет палеологовской архитектуры Салоник, как показал С. Чурчич, был очень ярким, но совсем кратким: конец XIII — первая четверть XIV в., когда строятся церкви Св. Пантелеймона, Св. Екатерины (обе, вероятно, конца XIII в.), Свв. Апостолов (1310–1314) и др. [36; 37; 38, р. 549–559]. Совершенно очевидно, что это не провинциальная ветвь, а архитектурное направление, зависимое от столицы. Здесь базовый столичный тип крестово-купольного храма на четырех опорах в раннепалеологовский период получил специфическую интерпретацию: ядро окружается галереями, над углами которых в церквях Св. Екатерины и Свв. Апостолов появляются четыре дополнительные главы. Храмы обильно украшаются кирпичным орнаментом, без резных каменных вставок. Характерны наложенная аркатура на алтарных апсидах, профилированные плоские ниши и изящные полуколонки на апсидах и барабанах [47, р. 141–147]. В третьей четверти XIV в. в Салониках возводится еще один крупный храм — церковь Пророка Илии, представляющая собой пятикупольный триконх с большим нартексом, имеющим дополнительные два купола, и открытым экзонартексом [44; 48, Т. А', σ. 128–130, Т. В', σ. 67–72, сч. 14–15, ек. 13–14; 46; 38, р. 555–557]. Высказывалось мнение, что этот храм мог послужить прототипом для церквей Моравской школы [25, с. 6, 59–73; 40]. Однако при ближайшем рассмотрении выявляется достаточно много различий, которые не подтверждают это предположение. Церковь Пророка Илии в Салониках, как кажется, ориентирована на воспроизведение афонских образцов (это проявляется в объемно-пространственной композиции) и крупнейшего салоницкого храма предшествующего периода — церкви Свв. Апостолов, о чем свидетельствует воспроизведение декоративной системы этого храма [48, Т. А', σ. 130; 46, р. 189].

В строительстве Мистры в палеологовский период наблюдается большое разнообразие в типологии построек [34; 45; 49, σ. 194–197, 208–219; 38, р. 582–595]. В том числе появляются новые, весьма специфические их разновидности, например трехнефные многокупольные базилики с галереями. Ко второй половине XIV в. принадлежат два крупных храма: церковь Св. Софии и Богородицы Перивлепты. Обе представляют собой характерный для Пелопоннеса и некоторых других греческих областей особый вариант крестово-купольного храма на четырех опорах, где с востока купол опирается на выступы алтарных стен, а с запада — на пару колонн, довольно далеко отодвинутых от западной стены. К храмам часто пристраиваются асимметричные дополнительные помещения разного назначения, нередко с дополнительными куполами. Характерна кладка в технике клуазонне, в более скромных постройках используются необработанные камни. Артикуляция фасадов и апсид, как правило, отсутствует. Церкви обильно украшены кирпичным орнаментом, барабаны часто оформлены наложенной аркадой на консолях. В декоре нередко встречаются отдельные мотивы, заимствованные из западноевропейской готической архитектуры [34, р. 51–52]. При этом ни по объемно-пространственной композиции, ни по декору конкретного сходства с храмами моравской Сербии здесь не наблюдается.

Особенно интересно сравнить с моравскими постройками такой региональный вариант, как архитектура Несебра [47, р. 155–159; 43, р. 83–84], тем более что и географически, и по времени создания наиболее ярких памятников они близки. В течение XIV в. Византия и Болгария попеременно владели Несебром, и присутствие здесь греческих

строителей очень вероятно, хотя и локальная специфика проявляется очень ярко. Первое, что обращает на себя внимание, — необходимость такого же деления на однонефные и четырехстолпные постройки, как и в архитектуре моравской Сербии. Вторая особенность, тоже на первый взгляд близкая моравским храмам, — исключительная нарядность храмов, разнообразие мотивов и элементов декора. В Несебре во второй половине XIV в. строятся два изящных по пропорциям крестово-купольных храма на четырех колонках, с развитой вимой и тремя гранеными апсидами, как в Константинополе: церкви Пантократора и Св. Иоанна Алитургитоса. При этом в них есть целый ряд особенностей: обе церкви вытянуты в плане, над угловыми ячейками наоса сделаны купольные перекрытия, нартексы тоже имеют купола. Фасады перегружены декором, при этом артикуляция членений не совпадает с конструктивными моментами. Вместо полуколонок на фасадах часто используются пилястры, много горизонтальных тяг, что не характерно для Византии. Как и в моравских постройках, здесь обильно используются керамические вставки, лекальный кирпич, полихромия, однако и формы орнамента, и способы компоновки декоративных элементов на фасадах различаются. Создается ощущение, что и моравские, и несобрские церкви были ориентированы на некие общие образцы, которые и там, и там оказались интерпретированы несколько по-разному [43, р. 83–84]. Это заставляет вновь задуматься о роли Константинополя в развитии зодчества поздневизантийского периода.

Даже такой краткий обзор архитектуры других регионов поздневизантийского мира показывает, что в конце XIV — начале XV в. каких-либо активно развивающихся региональных традиций с ярко выраженной специфической стилистикой на Балканах уже не было, кроме Несебра. В Несебре, который создает впечатление цельной архитектурной школы, узнаваемая константинопольская основа получает неклассическую интерпретацию, затрагивающую не конструктивную, а декоративную сторону. Это отличает данное направление от моравской архитектуры, где, напротив, удивляет стройность магистральной линии развития, которую отмечали все исследователи, и определенная подчиненность некой программе даже в тех случаях, когда стилистические и технические характеристики храмов сильно различаются. Теперь, имея возможность для сравнения сербской архитектуры второй половины XIV — первой половины XV в. с ситуацией в других частях византийского мира, мы можем сказать, что такое единство вряд ли могло быть обусловлено византийским происхождением моравских построек. Оно требует иного объяснения.

Если считать сербскую архитектуру XIV–XV вв. региональным направлением византийской, то тогда нужно как-то объяснить разнообразие и отсутствие единства в типологии, стилистике, конструкциях и декоре построек предшествующего периода — эпохи Душана и его преемников. В этот период усиление византийских влияний на сербскую архитектуру ни у кого не вызывает сомнения. И тем не менее, какого-либо единого регионального направления в это время не создается. При этом региональное своеобразие, несмотря на разноплановость построек, вполне прослеживается и соответствует логике культурного развития страны в этот период.

Напомним, что попытку выделить если не региональное направление, то, по крайней мере, небольшую локальную традицию в архитектуре этого времени предпри-

няли С. Чурчич и Е. Богданович, объединившие несколько построек 1330–1370-х годов в районе Скопье [38, р. 636–644; 33]. Ее истоком исследователи считают архитектуру Салоник первой четверти XIV в. Несмотря на сходство определенных стилистических аспектов, даже в пределах этой очень маленькой группы памятников трудно говорить о каком-то целостном региональном варианте византийской архитектуры, кажущееся единство распадается. Это отнюдь не похоже на ту ситуацию, которая сложится в следующие десятилетия в архитектуре моравской школы, где вместо разнородной предшествующих десятилетий практически сразу появляется некий общий стержень.

На наш взгляд, роль салоницких образцов в работах С. Чурчича несколько преувеличена [31; 37; 38, р. 636–644, 663–666]. В характеристике церквей моравской школы, как и в случае с Грачаницей, С. Чурчич подчеркивает общие для архитектуры поздневизантийского мира черты [38, р. 668–679]. Внимание прежде всего сосредотачивается на воплощении греческих идей в сербской архитектуре, тогда как с нашей точки зрения не менее важна сербская интерпретация этих идей.

Мысль С. Чурчича о том, что македонские памятники второй и третьей четвертей XIV в. родственны моравской архитектуре и в определенной мере подготовили ее появление, кажется нам вполне справедливой. Однако, говоря о преемственности между скопской и моравской школами, исследователи выявили ее лишь на уровне отдельных мотивов в декоре фасадов храмов и некоторых пропорциональных соотношений [33, р. 237, 240, 253–255]. Нам представляется необходимым развить и уточнить эту мысль.

Вслед за В. Ристичем, С. Чурчичем и Е. Богданович, мы полагаем, что моравская традиция закономерно вытекает из нескольких предшествующих ей периодов. Если в третьей четверти XIV в. действительно был возведен целый ряд построек, предвосхищающих важнейшие особенности моравских церквей, то кто были их ктиторы? Ими могли быть такие же придворные Душана, каким был сам Лазарь Хребелянович, между которыми в это время разворачивается борьба за власть. Строительство большей части этих церквей не было связано с монастырями [8].

Нельзя не заметить, что постройки так называемой «скопской школы» по сравнению с произведениями моравской архитектуры оказываются явлениями принципиально иного масштаба. На наш взгляд, вывести все особенности моравской архитектуры с её ярко выраженной спецификой и столичным размахом из этих небольших провинциальных построек, конечно, нельзя. Но необходимо отметить их значение для закрепления некоторых новых композиционных приемов и декоративных элементов, что подготовило почву для нового синтеза сербских и византийских черт.

Постройки князя Лазаря и его приближенных, безусловно, представляют собой качественно новое явление. Оно явно не может быть названо одним из провинциальных вариантов византийской традиции, несмотря на очевидные связи с ней. Это архитектура высокого уровня, с продуманными основными принципами, которые составляют стройную систему, и с виртуозно исполненными деталями. Несмотря на то, что в позднепалеологовскую эпоху в византийской архитектуре был накоплен огромный арсенал разнообразных художественных приемов, и сербские мастера хорошо его знали и активно использовали, подражания византийским образцам и провинциальности в этих постройках нет.

Итак, являясь закономерным продолжением сербской архитектуры в границах государств короля Милутина и императора Душана Сильного, моравское зодчество в новых условиях, во многом благодаря деятельности князя Лазаря, стремительно вырастает из локального провинциального варианта в яркое явление столичного уровня. Это требует объяснения, найти которое не так просто.

Полагаем, что решающее значение имело программное обращение к еще более старым традициям, а именно — традициям рашского периода. Таким образом, возродились те механизмы, которые и ранее определяли характер сербского зодчества: идеологические соображения и связанная с ними роль ктиторовской программы. Именно в эпоху князя Лазаря для этого возникли соответствующие предпосылки.

Однако это не значит, что сербская архитектура моравского периода перестает быть связана с византийской традицией. Как мы старались показать при анализе важнейших построек, византийская основа присутствует в них всегда, но она обязательно подвергается творческой интерпретации. Даже в эпоху Милутина и Душана, когда ориентация на византийские образцы преобладала, их прямого копирования не наблюдалось.

Из архитектуры эпохи Душана многие находки и новшества переходят затем в моравские храмы. Часть из них имеет безусловно византийское происхождение. Это и определенные типологические и композиционные особенности, такие как пятиглавие; ажурные купольные нартексы, присоединенные к основному объему храма; расширение подкупольного пространства за счет сужения боковых нефов и раздвигания в стороны подкупольных столбов. Это и усиление декоративного начала в целом, и отдельные декоративные элементы, такие как горизонтальные карнизы, которых не было ранее [5, с. 60; 22, с. 74–77; 12, с. 141–142]. Некоторые мотивы приходят в архитектуру эпохи Душана с Запада и тоже затем остаются в постройках моравского периода, например каменная резьба и украшения в виде розеток [16, с. 119–152; 12, с. 141–142; 47, р. 57–58, 175–177, 197–198, 248–253].

В эпоху князя Лазаря храмы, возведенные княжеской артелью, также имеют самостоятельный, творческий, а не подражательный характер. В них используется весь богатейший арсенал византийских архитектурных приемов и мотивов. Безусловно византийской можно считать типологию четырехстолпного крестово-купольного храма, особенно в его пятиглавом варианте (хотя среди моравских храмов таких всего два, не считая Ресавы, которая обладает уже совсем не византийской стилистикой) [18]. Также усиление декоративного начала — общая для поздневизантийского зодчества тенденция, которая очевидна и в моравских храмах. Но византийские образцы подвергаются в них существенной переработке. Поэтому с нашей точки зрения архитектуру Моравской Сербии нельзя считать неким региональным или провинциальным вариантом византийской архитектуры.

Ответить на вопрос о том, как именно соотносится моравская архитектура с различными направлениями византийского зодчества того же времени, весьма трудно. Как уже говорилось выше, от второй половины XIV — первой половины XV в. дошли лишь единичные собственно византийские постройки высокого уровня и некоторые памятники, представляющие отражение и интерпретацию константинопольских образцов в условиях другой региональной традиции. Моравская архитектура, как кажется, питалась

неким мощным и совершенным истоком. Влияние на нее Салоник, Мистры, тем более Несебра, в качестве всецело определяющего источника архитектурных форм можно исключить, поскольку характерные для этих центров отличительные черты не встречаются в моравских постройках. Скорее можно говорить о параллельном развитии этих традиций.

Именно так мы предлагаем интерпретировать сходство с моравскими храмами церкви Св. Илии Пророка в Салониках². Это очень большой пятикупольный триконх на четырех опорах, с двухкупольным нартексом-лито и открытым экзонартексом. Он воспроизводит типологию афонских кафоликонов и скорее всего тоже был кафоликоном монастыря [46, p. 184–195]. На моравские храмы эта церковь похожа не только своим трехконховым планом, но и зальным внутренним пространством, в котором колонны отодвинуты к углам подкупольной зоны, образуя совсем узкие боковые нефы, чего не встречалось ранее в салоникиских церквях. Полагаем, что эта особенность могла быть заимствована и салоникискими, и моравскими зодчими с Афона или из Константинополя. Значительное расширение диаметра барабана центрального купола в церкви Пророка Илии, а также большой открытый экзонартекс тоже напоминают афонские кафоликоны. Однако, явно опираясь на афонский тип храма, архитектор интерпретировал его в салоникиском вкусе. Окна и силуэты барабанов, кирпичные узоры, пояса из нишек, некоторые другие элементы декора — все это очень близко церкви Свв. Апостолов в Салониках (1310–1314). С другой стороны, об ориентации на некий утраченный константинопольский образец могут свидетельствовать такие общие с моравскими постройками черты, как глубокие ниши на фасаде и полосатая кладка. Это вполне вероятно, учитывая возможную связь постройки с патронажем императрицы Анны Савойской, жившей в Салониках с 1351 г. до своей смерти в 1359 г. [46, p. 189–194]. Но все же в данном случае более вероятной представляется опора на местную традицию, еще сравнительно недавно процветавшую. Эту мысль подкрепляет типичная для салоникиской архитектуры трактовка пятиглавия в церкви Пророка Илии: меньшие главы низко расположены относительно центральной, хотя здесь они стоят не над галереями, а над приделами и нартексом. Расположение приделов, как и пропорции, и масштаб храма в целом, отличает его от моравских построек. При общей тенденции к декоративности конкретные элементы декора и их компоновка в церкви Пророка Илии и моравских триконхах тоже различаются. Впрочем, если возведение церкви Пророка Илии предшествовало Раванице и Лазарице, то оно вполне могло послужить дополнительным импульсом для утверждения именно такой типологии в церковной архитектуре эпохи князя Лазаря [40]. Во всяком случае, вопрос о времени и обстоятельствах строительства церкви Пророка Илии пока остается открытым [40, p. 194].

Многие из характерных особенностей моравской архитектуры (прямоугольный план с зальным интерьером, скругленные несущие купол опоры или колонны, трехчастная алтарная часть с гранеными апсидами, украшенными аркатурой на колонках, ниши на западных фасадах и др.) могут напрямую или опосредованно восходить к константинопольским образцам. Поэтому мы бы не торопились с выводами о незначительной роли

² Напомним, что П. П. Покрышкин считал эту церковь прототипом моравских триконхов, поскольку она близка им по типологии, объемно-пространственной композиции и обилию декора [25, с. 59–73].

угасающего Константинополя в развитии архитектуры конца XIV в. История Сербии и в эпоху князя Лазаря, и в эпоху деспота Стефана свидетельствует о важности связей с Константинополем. Вполне возможно, что утраченные ныне константинопольские храмы того времени могли стать источником вдохновения, получив на сербской почве оригинальную интерпретацию. Однако вывести всю моравскую архитектуру только из неизвестных нам константинопольских образцов все равно не получается. В ней есть специфика, которой не могло быть в Константинополе и архитектуре других греческих городов, что мы пытались показать выше.

Итак, мы полагаем, что можно говорить именно о творческом переосмыслении в сербской архитектуре моравского периода известных византийских типов, элементов и приемов, причем это переосмысление имеет весьма четкую направленность и свою собственную логику.

Попробуем еще раз показать эти византийские черты, которые оказались как бы заново пропущены через опыт рашских построек, Грачаницы, Дечан, построек «скопской школы», и в результате получили новое переосмысление, став устойчивыми чертами построек нового поколения.

Общее для поздневизантийской архитектуры усиление тенденции к зальности пространства было с готовностью воспринято в моравских постройках, вероятно, именно потому, что соответствовало собственной национальной традиции. Однонефные храмы преобладали в сербской архитектуре с XII в. В XIV в. появились новые варианты с отдельно стоящими опорами (Грачаница, Дечаны и др.), опыт которых был учтен. Тонкие или скругленные опоры, иногда — с дополнительными вертикальными тягами или гранями перестают восприниматься как преграда для единого цельного пространства. Они раздвигаются в стороны за счет сужения боковых нефов, что можно наблюдать, например, в македонских церквях второй четверти XIV в. (церкви Архангелов в Штипе, Св. Николая в Люботене, Архангела Михаила в Лесново и др.) [41, р. 114–116; 14, с. 81–108; 26; 33, р. 222–224, 227–228; 7]. Эта черта закрепляется в моравских памятниках.

Композиции четырехстолпных моравских храмов с одной или пятью главами, безусловно, имеют византийское происхождение. При этом, как и однонефные храмы, они почти всегда тяготеют к пирамидальности, ступенчатости и довольно динамичному развитию. Мы уже не раз говорили об их отличии от византийских принципов организации композиции (например, пятиглавие в церкви Св. Пантелеимона в Нерези 1164 г. и даже в церкви Свв. Апостолов в Салониках 1310–1314 гг., которая является образцом максимально выраженной для византийской традиции вертикальной ориентации форм [32; 38, р. 410, 550–555]). Моравские храмы в большей степени ориентированы на ту интерпретацию темы византийского пятиглавия, которая уже была осуществлена в эпоху Милутина и лучше всего воплощена в Грачанице. В конце XIV в. к старым средствам создания динамичной, устремленной вверх композиции, помимо известных еще в сербской архитектуре рашского периода повышенных подпружных арок со слегка стрельчатыми очертаниями и постаментов под барабаны, добавляются килевидные кокошники. Этим приемы существенно усиливают экспрессию архитектурного образа.

Из Византии в это время были заимствованы большие экзонартексы со сквозными проемами по бокам и плоскими куполами [4; 35; 19]. Эта идея, вероятно пришедшая

с Афона или из других македонских центров, соединилась с собственной традицией устройства больших экзонартексов, характерных еще для храмов рашского периода, а также с опытом середины XIV в., когда экзонартексы появляются в Дечанах и некоторых других храмах на косовско-македонских территориях. С распространением и утверждением уставов Новоиерусалимского типа в конце XIV в., большие экзонартексы в моравских храмах получают более широкое распространение, но перестают быть ажурными. Чем дальше, тем больше они возвращаются к формам именно рашских построек.

Для нас важно выделить еще раз те черты моравской архитектуры, которые невозможно объяснить византийским или каким-либо другим влиянием и которые, на наш взгляд, являются определяющими для этого явления. Собственно, они представляют собой тот характер интерпретации, который получает византийская основа именно на сербских землях. К таким чертам относятся:

- доминирование однефного компактного крестово-купольного типа, характерного еще для рашской школы;
- гипертрофированная вертикальная ориентация объемно-пространственной композиции, при которой принципы пропорционирования и конструктивные приемы значительно отличаются от византийских прототипов;
- разнообразие декора, в том числе широкое использование каменной резьбы и отдельных элементов западного происхождения; при этом распределение декоративных элементов и их стилистика часто программно ориентированы на старые рашские образцы;
- появление развитой западной части во многих храмах, иногда в виде двухэтажных купольных нартексов, напоминающих храмы рашского периода;
- боковые экседры, которые являются наиболее характерной чертой моравских храмов, хотя и встречаются в византийской архитектуре всех времен, отнюдь не являются ни обязательными, ни широко распространенными в византийской архитектуре XIV–XV вв.

Литература

1. *Баришић Ф.* Владарски чин кнеза Лазара // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно дело, 1975. — С. 45–61.
2. *Богдановић Д.* Измирење српске и византијске цркве // О Кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно Дело, 1975. — С. 81–90.
3. *Богдановић Д.* Оживљавање немањихких традиција // Историја српског народа: Доба борби за очување и обнову државе (1371–1537). Књ. 2. — Београд: Српска књижевна задруга, 1982. — С. 7–20.
4. *Бошковић Ђ.* Проблем српске средњовековне архитектуре: Питање нартекса и ексонартекса: Скица за једно истраживање // Српски књижевни гласник. 1. Мај 1934. — Београд, 1934. — С. 52–57.
5. *Вуловић Б.* Раваница: Њено место и њена улога у сакралној архитектури Поморавља // Саопштења. — Књ. VII. — Београд, 1966. — 215 с. + пр.
6. *Вуловић Б.* Учешће Хиландара и српске традиције у формирању моравског стила // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. — Београд: Научно дело, 1972. — С. 169–178.
7. *Габелић С.* Манастир Лесново: Историја и сликарство. — Београд: Стубови културе, 1998. — 306 с. + пр.
8. *Захарова А.В., Мальцева С.В.* Приделы в сербских храмах эпохи Душана Сильного (1331–1355) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: История. — 2013. — № 3. — С. 125–144.

9. *Калић Ј.* Срби у позном Средњем веку. — Београд: Службени гласник, 2012. — 280 с.
10. *Калић-Мијушковић Ј.* Велики жупан Стефан Немања и кнез Лазар // О кнезу Лазару. Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно Дело, 1975 — С. 151–158.
11. *Кораћ В.* Les origines de l'école de la Morava // Моравска школа и њено доба: Научни скуп у Ресави 1968. — Београд: Научно дело, 1972. — С. 157–168.
12. *Кораћ В.* Извори Моравске архитектуре // Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. — Београд: Просвета, 1987. — С. 131–144.
13. *Кораћ В.* Свети Арханђели, Душанов царски маузолеј // Глас САНУ. Одељење историјских наука. Књ. 10. — Београд, 1998. — Књ. 10. — С. 191–201.
14. *Кораћ В.* Споменници монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. — Београд: Полиграф, 2003. — 341 с.
15. *Кораћ В.* Монументална архитектура у Византије и Србији у последњем веку Византије: Особена обрада фасадних површина // ЗРВИ. — 43. — Београд, 2006. — С. 209–213.
16. *Максимовић Ј.* Српска средњовековна скулптура. — Нови Сад: Матица Српска, 1971. — С. 119–152.
17. *Мальцева С. В.* Проблема прототипов и хронологије постројек последњег периода сербског средњовековног зодчества (к историографији вопроса) // Актуалне проблеме теорије и историје искуства: сб. науч. статей — Вып. 3 / Под. ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб., 2013. — С. 134–140.
18. *Мальцева С. В.* Пути и форми западноевропских влиянија у архитектури Србије XIV–XV векова // Актуалне проблеме теорије и историје искуства: сб. науч. статей. — Вып. 6 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт, 2016. — С. 185–196. URL:<http://dx.doi.org/10.18688/aa166-2-20> (дата обраћања: 14.02.2017).
19. *Мандић С.* Стари равнички нартекс // Манастир Раваница: Споменница о шестој стогодишњици. — Београд: Просвета, 1997. — С. 33–38.
20. *Михаљчић Р.* Кнез Лазар и обнова Српске државе // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно дело, 1975. — С. 1–11.
21. *Мошин В.* Самодержавни Стефан кнез Лазар и традиција немањинског суверенитета од Марице до Косова // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно дело, 1975. — С. 13–43.
22. *Ненадовић С.* Душанова задужбина Манастир Светих Арханђела код Призрена. — Београд: Научно дело, 1967. — 120, XCIV с.
23. *Ненадовић С.* Грађевинска техника у средњовековној Србији. — Београд: Просвета, 2003. — 588 с.
24. *Острогорски Г.* Србија и византијска хијерархија држава // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно дело, 1975. — С. 125–137.
25. *Покришкин П. П.* Православна црквена архитектура XII–XVIII столетия в нынешнем сербском Королевстве. — СПб.: Императорская Академия художеств, 1906. — 76 с.
26. *Расолкоска-Николовска З.* О владарским портретима у Љуботену и времену настанка зидне декорације // Зограф: часопис за средњовековну уметност. Бр. 17. — Београд, 1986. — С. 42–53.
27. *Ристић В.* Моравска архитектура. — Крушевац: Народни музеј, 1996. — 372 с.
28. *Стевовић И.* Архитектура Моравске Србије: локална Градитељска школа или епилог водећих токова позновизантијског градитељског стварања // Зборник радова Византолошког института. — Т. 43. — Београд, 2006. — С. 231–241.
29. *Стевовић И.* Каленић: Богородичина црква у архитектури позновизантијског света. — Београд: Интерпринт, 2006. — 216 с.
30. *Тахиаос А. Е.* Исихазам у доба кнеза Лазара // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно дело, 1975. — С. 93–103.
31. *Ђурчић С.* Грачаница: Историја и архитектура. — Београд; Приштина: Просвета-Јединство, 1988. — 278 с.
32. *Хаџитрифонос Е.* Приступ типологији петокупних цркава у византијској архитектури // Саопштења. — Т. XXII–XXIII. — Београд, 1991. — С. 41–75.
33. *Bogdanović J.* Regional Developments in Late Byzantine Architecture and the Question of 'Building Schools': An Overlooked Case of the Fourteenth-Century Churches from the Region of Skopje // Byzantinoslavica. — 2011—Vol. 69/1–2. — P. 219–266.
34. *Bouras Ch.* Byzantine Architecture in the Middle of the 14th century // Дечани и виантијска уметност срединног XIV века. — Београд; Приштина: Јединство, 1989. — P. 49–54.
35. *Сурчић С.* The Twin-Domed Narthex in Paleologan Architecture // ЗРВИ. — Т. 13. — Београд, 1971. — С. 333–344.

36. Ćurčić S. Architecture in the Byzantine Sphere of Influence around the Middle of the Fourteenth Century // Дечани и виантијска уметност срединном XIV века. — Београд; Приштина: Јединство, 1989. — P. 55–68.
37. Ćurčić S. The Role of Late Byzantine Thessalonike in Church Architecture in the Balkans // DOP. — 2003. — Vol. 57. — P. 65–84.
38. Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 — ca. 1550). — London; New Haven: Yale University Press, 2010. — 914 p.
39. Hafner S. Die Nemanjidenideologi und Knez Lazar // О кнезу Лазару: Научни скуп у Крушевцу 1971. — Београд: Научно дело, 1975. — С. 161–169.
40. Kyriakoudis E. N. The Morava School and the Art of Thessaloniki in the Light of New Data and Observations // Зорграф. — 1997. — Vol. 26. — С. 95–106.
41. Millet G. L'ancien art serbe: Les églises. — Paris: E. de Boccard, 1919. — 208 p.
42. Ousterhout R. The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul. — Washington: Dumbarton Oaks Studies, 1987. — 292 p.
43. Ousterhout R. Constantinople, Bithynia, and Regional Developments in Later Palaeologan Architecture // The Twilight of Byzantium: Aspects of Cultural and Religious History in the Late Byzantine Empire / Eds. S. Ćurčić, D. Mouriki — Princeton, 1991. — P. 75–110.
44. Papazotos A. The Identification of the church of 'Prophitis Elias' in Thessaloniki // DOP. — 1991. — Vol. 45. — P. 121–127.
45. Sinos S. Mistra // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst / Hrsg. von K. Wessel, M. Restle. — Bd. VI. — Stuttgart, 1999. — S. 380–518.
46. Tantsis A. Prophetes Elias // Impressions. Byzantine Thessaloniki through the Photographs and Drawings of the British School at Athens (1888–1910) / Eds. A. Mentzos, A. Pliota. — Thessaloniki: Center for Byzantine Research — Charitable Fraternity of Thessaloniki, 2012. — P. 184–195.
47. Trkulja J. Aesthetics and Symbolism of Late Byzantine Church Façades, 1204–1453. Ph.D. diss. — Princeton: Princeton University, 2004.
48. Μέσης Β. Δ. Ναοί αθωνικού τύπου. Θεσσαλονίκη, 2010 [неопубликованная диссертация]. URL: https://www.academia.edu/2382459/Ναοί_αθωνικού_τύπου_τ.1-2_Θεσσαλονίκη_2010. (дата обращения: 05.07.2016)
49. Μπούρας Χ. Βυζαντινή και μεταβυζαντινή αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. — Αθήνα: Μέλισσα, 2001. — 311 σ.
50. Παπαδοπούλου Β. Ν. Η βυζαντινή Άρτα και τα μνημεία της. — Αθήνα: Υπουργείο πολιτισμού, 2002. — 168 σ.

Название статьи. Храмовое зодчество Моравской Сербии и основные направления архитектуры палеологовского периода.

Сведения об авторах. Мальцева Светлана Владиславовна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034; старший научный сотрудник. Филиал ФГБУ «ШНИ-ИП Минстроя России» НИИТИАГ РААСН, ул. Душинская, д. 9, Москва, Российская Федерация, 111024. s.maltseva@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена дискуссионному вопросу соотношения моравской архитектуры с различными направлениями византийского зодчества того же времени. Во второй половине XIV в. последний яркий расцвет переживает одна из ветвей византийской архитектурной традиции, ставшая самостоятельной, но продолжавшая черпать из нее вдохновение, — это зодчество средневековой Сербии. С византийской традицией его связывают типология храмов, основные композиционные принципы, общая тенденция к усилению декоративного начала. С другой стороны, региональное своеобразие тоже проявляется очень ярко.

После распада империи Уроша V в долине реки Морава по заказу князя Лазаря и его вельмож возводится целый ряд крупных храмов: Раваница, Лазарица, Новая Павлица, Велуча, Наупара и пр. Почти все моравские храмы — триконхи двух разновидностей: крестово-купольный на четырех свободно стоящих опорах и однефный. Триконхи известны в византийской традиции с раннехристианского периода, однако отнюдь не были широко распространены в XIV в. Среди моравских храмов преобладают именно однефные триконхи, что мы объясняем сознательной ориентацией заказчиков на собственно сербские традиции предшествующего периода. Другой специфической чертой является тяготение к вертикальному развитию композиции, для чего применяются неизвестные в византийской традиции конструктивные и декоративные приемы. Декор моравских храмов необыкновенно богат и разнообра-

зен, причем наряду с общими для византийского мира мотивами в нем появляется много западных элементов, принесенных с Адриатики. При этом декорация моравских церквей оказывается всецело подчинена общей логике построения объемно-пространственной композиции с ее ярко выраженной вертикальной доминантой.

Ключевые слова: византийская архитектура; палеологовский период; сербская архитектура; Моравская архитектура.

Title. Churches of Moravian Serbia and the Main Directions of the Palaeologan Architecture.

Author. Mal'tseva, Svetlana Vladislavovna — Ph. D., head lecturer. Saint Petersburg State University. Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation; senior researcher. Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction of Russian Federation), Dushinskaia ul., 9, 111024 Moscow, Russian Federation. s.maltseva@spbu.ru

Abstract. The paper discusses the problematic issue of the relationship between the Serbian architecture of the so-called Morava school and other coeval trends in Byzantine architecture. In the second half of the 14th century the architecture of the Mediaeval Serbia enjoyed its last flourishing. Being originally one of the branches of the Byzantine architectural tradition, it became self-sufficient by that time. Serbian architecture continued to draw on Byzantine models in such issue as the typology of churches, the basic compositional principles, the general tendency towards a more decorative approach. On the other hand, its national peculiarity was also conspicuous.

After the disintegration of the Empire of Uroš V, under the auspices of prince Lazar (1371–1389) and his noblemen a series of large churches were erected in Morava valley including Ravanica, Lazarica, Nova Pavlica, Veluce, Naupara and others. Almost all churches of this period are domed triconchs of two variants: either cross-in-square or single-nave. The triconchs were known in Byzantine tradition from the Early Christian period and on, yet this typology was not wide-spread in the 14th century. The greatest part of the Morava valley triconchs are single-nave. In our opinion, this may be explained by the donors' desire to be in keeping with the older Serbian tradition. Another specific trait is the tendency towards the vertical development of the composition. For this aim some particular constructions and decorative elements were used unfamiliar in Byzantine architecture. As for the decoration of the Morava valley churches, it is exclusively rich and diversified. Besides, the elements common in the Eastern Christian tradition, there are many others deriving from the West and introduced by the builders from the Adriatic littoral. The decoration of Morava valley churches is fully in keeping with the compositional logic and accentuates its predominating vertical development.

Key words: Byzantine architecture; Palaeologan period; Serbian architecture; Morava school architecture.

References

- Barišić F. The Status of the Prince Lazarian Reign. *O knezu Lazaru: Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1975, pp. 45–61 (in Serbian).
- Bogdanović D. Reconciliation of Serbian and Byzantine Churches. *O Knezu Lazaru. Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno Delo Publ., 1975, pp. 81–90 (in Serbian).
- Bogdanović D. The Nemanjić Traditions Revival. *Istorija srpskog naroda. Doba borbi za očuvanje i obnovu države (1371–1537) (History of the Serbian People: The Period of the Struggle for the Preservation and Renewal of the State), book 2*. Beograd, Srpska književna zadruga Publ., 1982, pp. 7–20 (in Serbian).
- Bogdanović J. Regional Developments in Late Byzantine Architecture and the Question of 'Building Schools': An Overlooked Case of the Fourteenth-Century Churches from the Region of Skopje. *Byzantinoslavica*, 2011, vol. 69/1–2, pp. 219–266.
- Bošković Đ. Problems of Serbian Medieval Architecture: The Question of Narthex and Exonarthex. Preliminary Study. *Srpski književni glasnik, vol. 1*. Beograd, 1934, pp. 52–57 (in Serbian).
- Bouras Ch. Byzantine Architecture in the Middle of the 14th Century. *Dečani i vizantijska umetnost sredinom XIV veka. Međunarodni naučni skup povodom 650 godina manastira Dečana. Septembar 1985 (Byzantium Art of the Mid. 14th Century. Materials of the International Conference Dedicated to the 650th Anniversary of Dečany Monastery. September, 1985)*. Beograd, Jedinstvo Publ., 1989, pp. 49–54.
- Boúras X. *Vyzantiní kai metavyzantiní architektonikí stin Elláda (The Byzantine and Post-Byzantine Architecture in Greece)*. Athens, Melissa Publ., 2001. 311 p. (in Greek).

Čurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 — ca. 1550)*. London; New Haven, Yale University Press Publ., 2010. 914 p.

Čurčić S. *Architecture in the Byzantine Sphere of Influence around the Middle of the Fourteenth Century. Dečani i vizantijska umetnost sredinom XIV veka. Međunarodni naučni skup povodom 650 godina manastira Dečana. Septembar 1985 (Byzantium Art of the Mid. 14th Century. Materials of the International Conference Dedicated to the 650th Anniversary of Dechany Monastery. September, 1985)*. Beograd, Jedinstvo Publ., 1989, pp.55–68.

Čurčić S. *Gračanica: Istorija i arhitektura (Gracanica: History and Architecture), vol. I*. Beograd, Priština; Prosveta, Jedinstvo Publ., 1988. 278 p. (in Serbian).

Čurčić S. The Role of Late Byzantine Thessalonike in Church Architecture in the Balkans. *Dumbarton Oaks Papers*, 2003, no. 57, pp.65–84.

Čurčić S. The Twin-Domed Narthex in Paleologan Architecture. *Zbornik radova Vizantološkog instituta (Proceedings of the Byzantine Institute)*, no. 13. Beograd, 1971, pp.333–344.

Gabelić S. *Manastir Lesnovo. Istorija i slikarstvo (Lesnovo Monastery. History and Painting)*. Beograd, Stubovi culture Publ., 1998. 306 p. (in Serbian).

Hadžitritfonos E. Approach to Typology of Five-Domed Churches in the Byzantine Architecture. *Saopštenja*, 1991, no. 22–23, pp.41–75 (in Serbian).

Hafner S. Die Nemanjidenideologi und Knez Lazar. *O knezu Lazaru: Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1975, pp.161–169 (in German).

Kalić J. *Srbi u poznom Srednjem veku (The Serbs in the Late Middle Ages)*. Beograd, Sluzhbeni glasnik Publ., 2012. 280 p. (in Serbian).

Kalić-Mijušković J. Grand Prince Stefan Nemanja and Prince Lazar. *O knezu Lazaru: Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno Delo Publ., 1975, pp.151–158 (in Serbian).

Korać V. Holy Archangels, Dushan Imperial Mausoleum. *Glas SANU. Odeljenje istorijskih nauka (Bulletin of the Serbian Academy of Sciences and Art. Department of Historical Sciences)*. 1998, vol. 10, pp.191–201 (in Serbian).

Korać V. Les origines de l'école de la Morava. *Moravska škola i njeno doba: Naučni skup u Resavi 1968 (The Morava School and Its Time: Scientific Conference in Resava 1968)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1972, pp.157–168 (in French).

Korać V. Monumental Architecture in Byzantium and in Serbia in the Last Century of Byzantium. Features of the Facade Decoration. *Zbornik radova Vizantološkog instituta (ZRVI) (Proceedings of the Byzantine Institute)*, 2006, no. 43, pp.209–213 (in Serbian).

Korać V. *Spomenici monumentalne srpske arhitekture XIV veka u Povardarju (Monuments of 14th Century Serbian Architecture in Povadarë)*. Beograd, Poligraf Publ., 2003. 341p. (in Serbian).

Korać V. The Origins of Morava Architecture. *Između Vizantije i Zapada: odabrane studije o arhitekturi (Between Byzantium and the West: The Selected Materials on Architecture)*. Beograd, Prosveta Publ., 1987, pp.131–144 (in Serbian).

Kyriakoudis E. N. The Morava School and the Art of Thessaloniki in the Light of New Data and Observations. *Zograf*, 1997, no. 26, pp.95–106.

Maksimović J. *Srpska srednjovekovna skulptura (The Serbian Mediaeval Sculpture)*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 1971. 188 p. (in Serbian).

Mal'tseva S. V. On the Prototypes and Chronology of Buildings of the Last Period of Medieval Serbian Architecture (Some Remarks on the Historiography). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles, vol. 3*. S. V. Mal'tseva; E. Yu. Stanyukovich-Denisova (eds.). Saint Petersburg, NP-Print Publ., 2013, pp.134–140 (in Russian).

Mal'tseva S. V. Western Influences in Serbian Architecture of the 14th–15th Centuries. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles, vol. 6*. A. V. Zakharova, S. V. Mal'tseva; E. Yu. Stanyukovich-Denisova (eds.). Saint Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp.185–196. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa1662-20-14> (accessed 2 March 2017) (in Russian).

Mandić S. Original Narthex of Ravanica. *Manastir Ravanica: Spomenica o šestoj stogodišnjici (Ravanica Monastery: To the 600th Anniversary of the Jubilee)*. Beograd, Prosveta Publ., 1997, pp.33–38 (in Serbian).

Messis V. D. *Naoi athonikou typon. Thessaloniki (Churches of the Athonite Type. Thessaloniki), unpublished dissertation*. Aristotle University of Thessaloniki, 2010. Available at: https://www.academia.edu/2382459/Naoi_athonikou_typon_tau1-2_Thessaloniki_2010. (accessed 05 July 2016) (in Greek).

Mihaljić R. Prince Lazar and the Restoration of the Serbian State. *O knezu Lazaru: Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1975, pp. 1–11 (in Serbian).

Millet G. *L'ancien art serbe. Les églises*. Paris, E. de Boccard Publ., 1919. 208 p. (in French).

Mošin V. The Autocratic Stefan Prince Lazar and Traditions of the Nemanjić Sovereignty from Marice to Kosovo. *O knezu Lazaru: Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1975, pp. 13–43 (in Serbian).

Nenadović S. *Dušanova zadužbina Manastir Svetih Arhangela kod Prizrena (Dushan's St. Archangels Monastery near Prizren)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1967. 120 + XCIV p. (in Serbian).

Nenadović S. *Gradjevinska tehnika u srednjovekovnoj Srbiji (Construction Technique in Medieval Serbia)*. Beograd, Prosveta Publ., 2003. 588 p. (in Serbian).

Ostrogorski G. Serbia and the Byzantine State Hierarchy. *O knezu Lazaru: Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1975, pp. 125–137 (in Serbian).

Ousterhout R. Constantinople, Bithynia, and Regional Developments in Later Palaeologan Architecture. *The Twilight of Byzantium: Aspects of Cultural and Religious History in the Late Byzantine Empire*. S. Čurčić; D. Mouriki (eds.). Princeton, Princeton University Press Publ., 1991, pp. 75–110.

Ousterhout R. *The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul*. Washington, Dumbarton Oaks Studies Publ., 1987. 292 p.

Papadopoulou V.N. *I vyzantinini Árta kai ta mnimeia tis (Byzantine Art and Its Monuments)*. Athens, Ministry of Culture Publ., 2002. 168 p. (in Greek).

Papazotos A. The Identification of the Church of 'Prophitis Elias' in Thessaloniki. *Dumbarton Oaks Papers*, 1991, vol. 45, pp. 121–127.

Pokryshkin P.P. *Pravoslavnaia tserkovnaia arkhitektura XII–XVIII stoletii v nyneshnem serbskom Korolevstve (The Orthodox Church Architecture of 12th–18th Centuries in Modern Serbian Kingdom)*. Saint Petersburg, Imperial Academy of Arts Publ., 1906. 76 p. (in Russian).

Rasolkoska-Nikolovska Z. About the Royal Portraits in Ljuboten and the Time of the Creation of Wall Decoration. *Zograf*, 1986, no. 17, pp. 42–53 (in Serbian).

Ristić V. *Moravska arhitektura (The Morava Architecture)*. Kruševac, Narodni muzej Publ., 1996, 372 p. (in Serbian).

Sinos S. *Mistra. Reallexikon zur Byzantinischen Kunst*, vol. 6. von K. Wessel; M. Restle (eds.). Stuttgart, Anton Hiersemann Publ., 1999, pp. 380–518 (in German).

Stević I. Architecture of the Moravian Serbia: A Local Construction School or the Epilogue of the Leading Streams of the Post-Byzantine Architecture. *Zbornik radova Vizantološkog instituta (Proceedings of the Byzantine Institute)*, 2006, no. 43, pp. 231–241 (in Serbian).

Stević I. *Kalenić. Bogorodičina crkva u arhitekturi pozdnovizantijskog sveta (Kalenić. The Church of Our Lady and Architecture of Late Byzantine World)*. Beograd, Interprint Publ., 2006. 216 p. (in Serbian).

Tahiaos A. E. Hesychasm in the Time of Prince Lazar. *O knezu Lazaru: Naučni skup u Kruševcu 1971 (Prince Lazar: Scientific Conference in Kruševac 1971)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1975, pp. 93–103 (in Serbian).

Tantsis A. Prophetes Elias. *Impressions. Byzantine Thessaloniki through the Photographs and Drawings of the British School at Athens (1888–1910)*. A. Mentzos; A. Pliota (eds.). Thessaloniki, Center for Byzantine Research; Charitable Fraternity of Thessaloniki Publ., 2012, pp. 184–195.

Trkulja J. *Aesthetics and Symbolism of Late Byzantine Church Façades, 1204–1453, Ph. D. dissertation*. Princeton University, 2004.

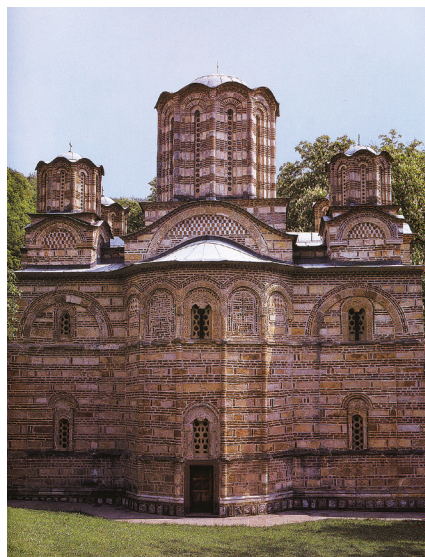
Vulović B. Ravanica. Its Place and Contribution in the Sacred Architecture of Morava. *Saopštenja*, 1966, vol. 7. 215 p. (in Serbian).

Vulović B. The Role of Hilandar and Serbian Tradition in the Formation of Moravian Style. *Moravska škola i njeno doba: Naučni skup u Resavi 1968 (The Morava School and Its Time: Scientific Conference in Resava 1968)*. Beograd, Naučno delo Publ., 1972, pp. 169–178 (in Serbian).

Zakharova A.V.; Maľtseva S.V. Side Chapels in the Serbian Churches of Dushan the Strong Epoch (1331–1355). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 8. Istorii (Bulletin of Moscow University. Vol. 8. History)*, 2013, no. 3, pp. 125–144 (in Russian).

Илл. 58. Церковь Введения Пресвятой Богородицы монастыря Дренча, последняя четверть XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 59. Церковь Вознесения монастыря Раваница, последняя четверть XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 60. Церковь Успения Пресвятой Богородицы монастыря Любостыня, конец XIV века. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 61. Церковь Троицы монастыря Ресава (Манасия), первая четверть XV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 62. Церковь Св. Стефана (Лазарица), Крушевац, последняя четверть XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 63. Церковь Рождства Богородицы монастыря Наупара, последняя четверть XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 64. Церковь Успения Богородицы монастыря Витовница, последняя четверть XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 65. Церковь Св. Николая монастыря Йошаница, конец XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 66. Церковь Св. Георгия монастыря Врачевница, первая четверть XV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 67. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, первая четверть XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Илл. 68. Церковь Успения Богородицы монастыря Грачаница, первая четверть XIV в. Фото С. В. Мальцевой